

Отчет о поездке в Индию

4. Перед возвращением домой

С. ОБРАЗЦОВ

НАКАНУНЕ дня отъезда из Джайпура мы сидели на лужайке перед гостиницей. Подходит к нам человек. Как всегда, незнакомый. Индиец. Большой, широкоплечий, широкоскулый. Лет тридцати пяти. Познакомились. Оказывается, это местный помещик. Приглашает всех до единого завтра вечером к нему в имение. «Будем праздновать холи!». «Так холи же послезавтра?». «Нет, завтра вечером уже начинается. Как хотите, чтобы сухие краски были или жидкие?». «Да мы не знаем, что интереснее!». «Все интересно, но когда играть будем, сухие вам все-таки легче покажутся. Только наденьте что-нибудь попроще, а то костюмы и платья испортите». «А нам уже приготовили. Сшили из самой дешевой хлопчатобумажной материи белые штаны и рубашки, а женщинам платья вроде халатиков». «Ну, это замечательно! Значит, завтра я вас жду, сразу же после спектакля. Это недалеко, Миль тридцать». «Спасибо, приедем».

Теперь мне необходимо расшифровать этот диалог. Во что нам предлагали играть и почему игра эта грозила нашим одеждам? Что такое холи, и откуда взялся этот праздник, никто нам толком рассказать не мог. Первая часть рассказа была более или менее понятна. Народные легенды говорят, что в давние времена была какая-то очень злая женщина по имени Холи, истязавшая своего племянника. За свои злодеяния женщина эта была сожжена на костре, и вот в честь избавления мира от этой злой старухи каждый год в ночь на 25 марта сжигают большие соломенные снопы, изображающие холи. Ну что ж, праздники, связанные с кострами, существуют во многих странах.

И пока речь шла о костре, рассказ о возникновении праздника холи мне был понятен. А вот дальше все так и осталось непонятным. Никто не мог объяснить мне, откуда в Индии взялась традиция в день праздника холи не только петь, плясать и веселиться по всем городским и деревенским улицам, но и мазать друг друга красками.

Уже за неделю до праздника всюду продают большие бумажные фунтики с сухими красками — ярко-зелеными, желтыми, красными, синими. Хватает человек пригоршню оранжевой краски и мажет ею первого незнакомого встречного: лицо, одежду, волосы. А тот смеется, обнимает «обидчика» и сыплет ему на голову пронзительно-фиолетовую пудру. Это и есть «сухой холи». Его мы узнали в тот же вечер. А «мокрый» — на следующий день.

Пока ехали тридцать миль до усадьбы, всюду вокруг горели пожары костров. Приехали. Нас ждали хозяин и его гости. Прямо перед

Окончание. Начало см. в номерах от 16 и 21 мая.

входом в усадьбу была сложена большая копна соломы. Нам раздали шутихи и подожгли копну. Огонь поднялся к небу; ночь сомкнулась, и погасли звезды. Все схватились за руки и стали бегать вокруг огненного столба, бросая в него шутихи. Они взрывались и прыгали. У соломы большой темперамент, но страсть недолгая. Копна превратилась в красную золу и потаскала, а мы вошли в хозяйский сад. И тут неожиданно и хозяин, и его гости закидали нас разноцветными порошками красок, стали размазывать их по нашим щекам, по волосам и по лысинам тех, кто был лыс. Тут же нам были выданы фунтики красок, и мы в ответ замазали и хозяина, и всех гостей.

Потом плясали и пели по очереди то индийские, то русские песни. Пускали фейерверк, ракеты, крутились огненные солнца, жгли разноцветные бенгальские огни, только тут вспомнил, что их родина — самая Бенгалия, в которой мы только что были.

Перед самым расставанием хозяин показал нам свой дом. Очень хороший дом. Типично индийский. Одноэтажный. Каменный. Крытые террасы. Большие комнаты. Внутренние дворы. Комнаты обставлены просто и с большим вкусом. В кабинете много книг. Хозяин подвел меня к одной из полок. На ней труды Маркса, Ленина, сочинения Толстого, Горького, Шолохова. Я не расспрашивал хозяина, очень ли он богат, но что богат — это ясно. Он помещик, но это новый тип помещика. Старый просто собирал оброк с голодных крестьян, не заботясь о том, как обрабатывается земля. Тот же, чьими гостями мы были, всерьез занят агротехникой, и на его полях работают тракторы и сельскохозяйственные машины. Он говорит, что Индия строит социализм. Мы не спорили с ним о том, что каждый из нас понимает под этим большим словом, но передо мной был безусловно один из передовых людей индийской буржуазии. Он несколько раз бывал в Советском Союзе и говорил о нем с восторгом. Он любит свою страну и верит в ее будущее. Я приехал в Индию не для того, чтобы вести политические дискуссии с ее помещиками, но чем больше на полях Индии будет тракторов и чем больше в Индии будут гордиться такими книжками, какими гордился наш веселый и радужный хозяин, тем скорее придет счастье и благополучие к индийскому народу.

Прямо с разноцветного ужина мы отправились на поезд. Успели только умыться, да и то плохо. Из волос краска никак не хотела уходить. А одежды мы оставили на себе те же. Ведь основной праздник холи — завтра. Он встретит нас в Дели, и опытные люди предупреждали нас, что мы вряд ли сумеем добраться до гостиницы неизмазанными.

Ранним утром в открытое окно нашего купе влетели струи лимонно-желтой краски. Мы поспешили закрыть окно. И ввремя. Стекло сейчас же было облито чем-то зеленым. Вероятно, чернилами. Вот он, значит, «мокрый холи»!

Около деревень и маленьких платформ, вдоль полотна дороги выстроились ватаги объятых восторгом ребят. Перед ними стояли ведра с краской, а в руках они держали либо кружки, либо большие, сделанные из бамбука спринцовки, либо просто велосипедные, а то и автомобильные насосы с шлангом, опущенным прямо в ведро. Многометровые струи разноцветных красок летели в поезд, как пулеметные очереди.

Все носильщики на вокзале в Дели были похожи на попугаев «ара». Мы вылезли из поезда, готовые ко всему, но никто нас не стал мазать. Мы благополучно сели в машины, благополучно вошли в гостиницу и как только позавтракали, кинулись в город. Не все, конечно, а наиболее отчаянные. Ведь холи будет продолжаться только до трех часов. Мы вооружились фотоаппаратами с цветной пленкой, узкоплечные кинокамеры упаковали в целлофан, чтобы их не залили краской, и двинулись в путь.

Люди танцуют и пляшут на улицах группами. Как только мы проезжаем мимо такой группы, в нас летят струи краски. Стекла закрыты. Боимся испортить обивку. Выбираем группу побольше. Выбрали и не успели открыть дверь и выскочить из машины, как были измазаны и облиты с ног до головы. Взрослые и пожилые люди, взяв горсть краски, старательно мазали нам щеки и лоб, а потом крепко обнимали, прикладывая щеку к щеке. Молодые, взяв нас за руки, танцевали с нами под звуки бубна, а маленький озорной мальчишка лет восьми, вачерпывая кружкой из большого ведра, обдавал всех без разбора какой-то желтой краской, как обдают в русской бане водой из шайки. Мы были разноцветны до предела. Попугай «ара» казался бы рядом с нами серым воробьем.

Вернувшись в гостиницу, я кинулся к зеркалу. Никогда в жизни я не был и не буду таким красивым. Волосы красные, как клюквенный кисель; одна щека зеленая, как крыша нового дома, а другая трагически фиолетовая. На Западе сейчас среди некоторых художников моден ташизм. В переводе на русский язык это значит — пятнизм. Создается картина до-

вольно просто. Берется холст и на него как попало набрызгиваются пятна разных цветов. Я был живым произведением ташиста. Жаль даже становиться под душ! Полчаса вновь и вновь намывалив себя всего лучшим советским мылом, и полчасика с меня текли разноцветные струи. В этот час мылась вся Индия. В ваннах, под душами, под кранами уличных колодезь, в ручьях, в озерах, в реках, в море. Мылись, отмывая с себя веселую краску холи.

Надевая чистую одежду, я думал не о том, откуда взялась эта озорная традиция, а о том, почему так много радости и счастья приносит она людям. И показалось мне, что радость эта возникла от ощущения равноправия. Ведь это много столетняя традиционная игра. Она рождена старой Индией, и новая Индия приняла ее по наследству. В Индии живут люди разных национальностей, говорящие на разных языках. В Индии много религий и много сект. До недавнего прошлого люди Индии разделены железными решетками каст. Сейчас законом государства деление на касты отменено. Но не так легко уходит из сознания то, что было системой жизни поколений. Не так легко брамину считать себя равным кожевнику, не так просто кожевнику считать себя равным брамину. Во время холи все равно. Пусть это длится всего несколько часов, пусть ощущение равенства будет смыто водой вместе с разноцветными красками, все-таки в эти веселые часы все были одинаковы, все были равными.

Я думаю, что именно это, а не просто веселое озорство, сделало праздник холи всенародным праздником, иначе почему же так тронутительно и так серьезно обнимались при мне два немолодых и вовсе не озорных человека!

На следующий день мы прочли в газете, что в саду премьер-министра вчера было больше двух тысяч людей. Разных людей. Всех, кто только поместился на лужайке перед дворцом. Ведь холи — праздник равных! Газеты рассказывали, что вошедшие в раж мальчишки засыпали премьер-министру глаза, но Неру и сам не оставался в долгу, обрызгивая собравшихся жидкой краской. Жаль, что вчера мы не попали в сад Неру. Опоздали. Когда подъехали к воротам, все уже разошлось.

Интересно, будет ли Неру на нашей премьере? Ведь официально мы гости правительства, и весь сбор от наших спектаклей идет в специальный фонд премьер-министра, предназначенный для помощи голодающим и пострадавшим от наводнений.

Перед самым спектаклем мне сказали, что премьер-министр будет обязательно. Для него, для его дочери Индиры Ганди и для приехавших из Англии его друзей — леди Маунбеттен с дочерью оставлены места.

Неру очень популярен и любим в Индии. Когда он вошел в зал, матери начали подталкивать маленьких детей, чтобы они подошли и поздоровались с Неру. Дети не очень понимали, чего от них хотят, но Неру ласково трепал их черные волосы, и дети улыбались.

Начался спектакль. Неру внимательно следил за всем, что происходило на сцене, и когда что-то ему особенно нравилось, оглядывался на дочь или на кого-нибудь из тех, кто пришел вместе с ним. В антракте Неру зашел за кулисы, рассматривал кукол, благодарил антеров и пригласил нас на следующий день прийти к нему.

Мы пришли. Нас встретила секретарша. Немолодая, полная, удивительно приятная и скромная женщина, приехавшая на русскую няню. Мы принесли Неру подарок. Как раз перед нашим отъездом из Москвы в магазине фарфора в Столешниковом переулке продавался маленький и очень забавный чайный сервиз. Заведующая отделом сказала нам, что это копия старинного русского сервиза шестнадцатого века. Не знаю, так ли это, но сервиз — удивительный. Чайник в нем сделан в виде слона. Носик — хобот, ручка — хвост. На спине у слона, иначе говоря, на крышке чайника, сидит обезьяна. Таким же слоником и с такой же обезьяной на спине выглядят и сахарница. Весь сервиз белый, а разрисован красным русским орнаментом с золотом. Для символа русско-индийской дружбы лучше не придумаешь. Неру очень понравился сервиз, и на следующий день газета «Таймс оф Индия» так и озаглавила свою заметку: «Прием у Неру — чайный сервиз».

Прощаясь, мы пригласили нашего хозяина к нам на спектакль «Волшебная лампа Аладина». Но Неру любезно ответил, что, к сожалению, очень занят и вряд ли

Эти девочки идут смотреть «Волшебную лампу Аладина». Фото автора.

выберет время. И все-таки пришел. Смотрел спектакль до самого конца и сказал, что он ему очень понравился.

Вот и закончились спектакли в Дели. Осталось нам жить в Индии всего два дня. Уже без спектаклей. Декорации и куклы пакуются в ящики для отправки домой. А у нас в последние два дня — два прощальных приема. Один в нашем посольстве, другой в Министерстве культуры Индии.

Сорок четыре дня пробыли мы в этой стране. Сорок четыре дня, заполненные таким количеством впечатлений, что непонятно, как они смогли втиснуться в каждого из нас. Тысячи километров страны, бегущей в окна вагонов, от которых мы отрывались только для того, чтобы перезарядить пленку в фотоаппарате, или сменить кассету в кинокамере: сотни километров шоссе, рисовые поля, плантации хлопка, чая, бананов, бамбуковые рощи и рощи пальм, сухие заросли джунглей, долины полноводных рек и безводные долины песка и камня, глиняные деревни, гордые развалины покинутых людьми мертвых городов, пещеры, населенные каменными людьми, животными и многорукими богами, одинокие молебни, вечность которых молча стерегут неподвижные слоны, львы и коровы; огненные цветы деревьев, бабочки, большие, как птицы, и птицы, маленькие, как бабочки; шумные, вечно сосящиеся ватаги зеленых попугаев; неисчислимое количество коршун, орлов, грифов, широкими кругами, измеряющих глубину неба; лесные обезьяны, как сыщики следящие из-за стволов за каждым движением человека; безразличные городские обезьяны, уверенные, что основное население города они, а не люди; нахальные обезьяны-попрошайки, которых закармливают восторженные туристы среди развалин крепостей и храмов, и обезьяны-артисты, танцующие под звуки бубна; розово-красные улицы Джайпура, похожие на декорации, созданные художником с фантазией гени; развалившиеся лагуны ремесленников в узких переулках Калькутты; сверкающе-желтый пляж Мадраса длиной в восемнадцать километров, вдоль которого стоят колледжи, отели, общественные и муниципальные здания, похожие на дворцы; кварталы особняков и строящиеся корпуса университета в Новом Дели; дворцы бывших махараджей, в которых живут люди, измеряющие свое богатство драгоценными камнями, стоящими миллионы рупий; и бездомные люди, спящие на тротуарах Бомбея; мусульманские, индуистские, буддийские, католические храмы, рынок Мадраса, на котором можно купить попугаев, священных майн, обезьян, детенышей крокодилов и даже пантеру; торговые ряды Хайдарабада, выглядящие, как праздник, от количества висащих разноцветных сверкающих сари, ковров и тысяч браслетов; сверхмодные длинные, как пароходы, автомобили, бегущие рикши со струями пота на обнаженных спинах, рикши велосипедные, рикши мотоциклетные, пролетки, запряженные маленькими лошадаками, длинноногие верблюды, скучные ничьи коровы, слоняющиеся по безобразному асфальту, черные, как смола, буйволы с метровыми рогами, везущие мешки, глыбы гранита или железные балки, и люди, люди, люди... миллионы людей.

И вот последний вечер. Кончились и спектакли, и приемы. Вещи уложены. Завтра отлет. И вдруг кто-то сказал: «А все-таки жаль...». «Что жаль?». «Жаль, что уезжаем. Еще бы дней хоть десять!.. Может быть, никогда больше не попадешь в Индию». И тут выяснилось, что каждый из нас думает сейчас о том же самом: о том, что жаль уезжать. Поэтому что мы полюбили страну. Полюбили по-настоящему. Сердцем ощутили ее великое и мудрое искусство, сердцем поняли всю трагедию ее недавнего прошлого. Полюбили народ Индии. Подружились по-настоящему, и расставаться нам со страной и с людьми было трудно.

И когда самолет вновь переносил нас через снежные вершины Гималаев, мысли наши были сразу и в Москве, и в Дели. И в нашей стране, среди родных и друзей, которых мы не видели полтора месяца, и в Индии, среди тех, с кем расстались всего час назад. Нам было и весело, и грустно, но мы были счастливы и горды тем, что в величайшем деле дружбы между советским народом и народом Индии есть теперь частица и нашего труда.

Главный редактор
В. И. ОРЛОВ.